МАМА, ТЕБЕ НЕЛЬЗЯ ВЛЮБЛЯТЬСЯ

ОЛЬГА ИГНАТОВА

Ольга Игнатова

Мама, тебе нельзя влюбляться

«Автор»
2026

Игнатова О.

Мама, тебе нельзя влюбляться / О. Игнатова — «Автор», 2026

— Мам, тебе нельзя влюбляться.Эти слова я услышала от собственной дочери. И самое страшное — она говорила совершенно серьёзно.Мне сорок шесть лет. Три года назад я похоронила мужа. С тех пор моя жизнь принадлежит детям: беременной дочери, взрослому сыну, их заботам, просьбам и бесконечным проблемам.Я привыкла быть нужной. Но когда в последний раз я была счастливой?А потом появился Андрей. Обычный мужчина, рядом с которым мне снова захотелось красиво одеваться, ходить на свидания, смеяться и строить планы.Только дети оказались не готовы к тому, что у их матери может быть личная жизнь.Дочь скоро родит и рассчитывает на мою помощь. Сын считает, что я слишком доверчивая. А мне впервые за долгие годы предстоит выбирать между привычным чувством долга и собственным сердцем.**Разве после сорока шести женщина больше не имеет права влюбиться?**История о второй любви, непростых семейных отношениях и счастье, для которого никогда не бывает поздно.

© Игнатова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первые две недели 5
Глава 2. Восемнадцать тысяч 10
Глава 3. Свет из окна 15
Глава 4. Чужой вечер 21
Глава 5. Маршрут вдоль реки 27
Глава 6. Кофе без поручений 32
Глава 7. Мамина версия 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Ольга Игнатова
Мама, тебе нельзя влюбляться

Глава 1. Первые две недели

— Первые две недели после роддома ты поживёшь у нас, — сказала Полина. — А потом посмотрим.

Она произнесла это, не отрываясь от телефона. Я как раз вынимала из духовки курицу и придерживала горячую форму полотенцем, у которого давно обгорел угол. Если бы в этот момент дочь сообщила, что с понедельника я переезжаю в другой город, я, наверное, тоже сначала спросила бы, куда поставить картошку.

— Мам, ты слышала?

— Слышала. Подвинь тарелку.

Полина убрала локоть. На столе уже лежал её блокнот, рядом — две распечатки и ручка с пушистым розовым шариком. Раньше такими ручками она записывала названия песен, которые собиралась поставить на выпускном. Теперь составляла список вещей в роддом. Шарик остался тем же.

— Только не хватайся за всё сама, — добавила она. — Я часть готовки Серёже оставлю.

Я посмотрела на зятя.

Сергей сидел у окна и пытался открутить крышку с банки огурцов. Крышка не поддавалась. Под его пальцами скрипело стекло.

— Мне можно и не часть, — сказал он. — Я нормально готовлю.

— Ты нормально жаришь пельмени.

— Это уже два блюда. Пельмени варёные и пельмени жареные.

Полина фыркнула, но улыбнулась. Я порадовалась этой улыбке. В последнее время дочь быстро уставала и сердилась, если я слишком пристально смотрела, как она поднимается по лестнице или садится на стул. Живот уже округлился; свободное голубое платье делало её похожей на школьницу, которая зачем-то принесла под одеждой мяч.

Я поставила курицу, вернулась за салатом, вспомнила про хлеб.

— Мам, сядь уже, — сказал Кирилл.

— Сейчас.

— Ты это слово с моего рождения говоришь.

— И за двадцать два года мог бы догадаться, где хлебница.

Он поднялся без спора, достал батон и нож. Отрезал четыре огромных ломтя.

— Тебе не на склад грузить, — заметила я.

— Я логист. Оптимизирую количество движений.

— Тогда оптимизируй ещё четыре тарелки.

— Вот и поговорили.

Он взял тарелки, и я почувствовала привычное довольство: все дома, шумят, едят, поддевают друг друга. Полина поправляла Сергею ворот футболки, хотя там нечего было поправлять. Кирилл отрезал себе горбушку, которую считал законной премией за труд. Зять наконец победил банку. На клеёнку плеснул рассол.

Я потянулась за тряпкой.

— Я сам, — сказал Сергей и первым встал из-за стола.

Мы собрались без повода. Последнее воскресенье перед сентябрём, у Полины внезапно оказалось свободное время, Кирилл обещал заехать после магазина, а у меня в морозилке

лежала слишком большая курица. Так я объяснила себе, почему с утра чистила, резала и переставляла миски, вместо того чтобы выйти погулять, пока было тепло.

За окном ещё держалось лето. Окна стояли настежь, со двора тянуло разогретой пылью и чужими котлетами. Двое мальчишек гоняли мяч у гаражей. Я слышала их весь день и успела привыкнуть к выкрику «отдай нормально!». Мяч им почему-то всё время отдавали ненормально.

— Так вот, — Полина вернула перед собой блокнот. — Я тут прикинула. Если рожу в середине декабря, как обещают, то тебе отпуск лучше брать с запасом.

— Кто обещает? — спросил Кирилл.

— Врачи.

— А ребёнок в курсе?

— Кирилл.

— Что?

— Ешь.

Он послушно взял курицу.

— С запасом на сколько? — спросила я.

— Ну, недели на три.

— У меня всего две остались.

— Две с половиной. Ты говорила, что у тебя ещё дни за прошлый год.

Я отложила вилку. Полина помнила мой отпуск точнее, чем я.

— Надо уточнить.

— Вот и уточни. И с директором заранее поговори, пока вам там график не составили.

— У нас график давно составлен, Поль.

— Тогда тем более.

Она что-то пометила и провела черту. Я увидела своё имя: «Мама». Под ним шли строчки, которые с моего места читались вверх ногами. Супы. Стирка. Поликлиника. Ночи.

— Мы же не навсегда, — сказала дочь, заметив, куда я смотрю. — Самое первое время. Я вообще не понимаю, как мы вдвоём справимся.

— Справимся, — отозвался Сергей.

— Ты на смену уйдёшь.

— Я могу поменяться.

— А потом всё равно уйдёшь. Работа-то останется.

Сергей перестал жевать.

Я знала этот поворот разговора. Следующей фразой обычно становилось предложение, которое всех примиряло. Чаще всего его произносила я.

«Придумаем что-нибудь».

«Я подстроюсь».

«На первое время возьму на себя».

Слова уже стояли у меня на языке. Я даже вдохнула, чтобы сказать про свободные дни, но Кирилл опередил.

— Мам, у тебя банковское приложение работает?

— Работает.

— У меня тоже, — сказал Сергей.

— Я не тебе.

Кирилл принял очень деловой вид. Такой же у него был в восьмом классе, когда он пытался объяснить, почему учительница должна обрадоваться незаполненной контурной карте: зато он её не испортил.

— Помнишь, я говорил, что Славик съезжает?

— Ты говорил, что у него девушка.

— Одно из другого вытекает. Он теперь у неё будет жить.

— Хорошо.

— Для него — да. А мне надо либо искать другого соседа, либо переезжать. Нашёл комнату, но там залог сразу. Восемнадцать.

Полина подняла глаза.

— У тебя же зарплата была.

— У меня и расходы были.

— Какие?

— Разные, Полин.

— За жильё?

— И за жильё тоже.

Я посмотрела на сына. Он старательно отделял мясо от кости, будто восемнадцать тысяч обсуждались сами по себе и лично его не касались.

— Когда нужно?

— До вторника. В идеале завтра. Я верну, мам. С ближайших зарплат.

— С каких ближайших? — спросила Полина.

— С моих.

— Очень содержательно.

— А ты сейчас себе на три недели мамин отпуск оформляешь. Можно мне хотя бы денежный вопрос без комиссии?

— Я беременная.

— Я заметил.

— Кирилл, хватит, — сказала я.

Он замолчал и подвинул ко мне блюдо с картошкой. Знал, что я люблю поджаренные кусочки с края, и собрал их в одну сторону. Мне стало стыдно, что я уже успела раздражиться.

Восемнадцать тысяч были у меня. На накопительном счёте лежало сто двадцать — запас, который я последние полтора года не трогала. Мне нравилось иногда открывать приложение и смотреть на эту круглую, вполне скромную сумму. Она означала, что сломавшийся холодильник не потребует звонить детям и объяснять, почему срочно понадобились деньги.

Холодильник работал. Кириллу было нужно сейчас.

— Завтра посмотрю, — сказала я.

— Спасибо.

Он выдохнул так заметно, что я поняла: в отказ он не верил, но всё-таки боялся.

— Я не сказала, что уже перевела.

— Я понял. Завтра посмотришь.

— А вернёшь ты в какие сроки?

— Ну… с двух зарплат постараюсь.

— Не постарайся, а посчитай.

— Посчитаю.

Полина неодобрительно качнула головой, хотя сама минуту назад вписывала меня в свой декабрь.

Я встала за чайником.

На верхней полке буфета стояли чашки. Я поставила на поднос четыре белые, потом привычно потянулась за синей, широкой, с толстой ручкой.

Я почему-то снова посчитала пятерых. Но нас было четверо: я, дети и Сергей. Пятая чашка не требовалась.

Я оставила синюю на полке. Чашка Павла так и стояла отдельно. Никто её не запрещал брать. Иногда я пила из неё чай, иногда вытирала пыль и переставляла на соседнюю полку. Но при детях почему-то продолжала делать вид, что она просто сушится.

— Мам, ты чего там? — спросила Полина.

— Выбираю, кому дать немытую.

— Мне не надо, — сразу сказал Кирилл.

Все засмеялись. Я тоже.

После чая дочь попросила показать ей старые пелёнки.

— Поль, им двадцать пять лет.

— Зато хлопок. Сейчас за такой хлопок ещё заплати.

Мы вытащили из шкафа пакет с детскими вещами. Я не открывала его давно. Сверху лежала вязаная кофточка с одной зелёной пуговицей: остальные я когда-то заменила, а до последней руки не дошли.

Полина развернула кофточку на коленях.

— Это моя?

— Твоя. Ты её ненавидела.

— Откуда ты знаешь?

— Ты старалась из неё выбраться при любом удобном случае.

Дочь осторожно разгладила рукав. На лице у неё появилось то серьёзное, беспомощное выражение, с которым маленькие дети впервые берут на руки котёнка.

— А вдруг я тоже что-нибудь буду делать не так?

Я присела рядом.

— Будешь.

— Спасибо, мам.

— Я много чего делала не так. Видишь, вы выросли.

— Ну, Кирилл — спорный результат.

Из кухни донеслось:

— Я всё слышу!

Полина улыбнулась и прислонилась щекой к моему плечу. Я почувствовала запах её шампуня, тот самый, который она покупала ещё до свадьбы. На минуту список дел, отпуск и залог перестали меня раздражать. Я провела ладонью по её волосам.

— Ты мне только сразу говори, если страшно, — сказала я.

— Так я и говорю. А ты вроде соглашаешься, а потом начинаешь: график, директор…

— Потому что у меня есть график и директор.

— Я знаю.

Она сказала это мягко. Наверное, действительно знала. Просто знание не мешало ей рассчитывать, что в нужный момент всё это куда-нибудь денется.

В прихожей Сергей помог жене надеть сандалии. Она уже не могла легко наклоняться и злилась на пряжки. Зять присел на корточки, терпеливо застегнул ремешок.

— Я могу сама.

— Можешь. Но я уже здесь.

Он поднялся, взял пакет с пелёнками и поцеловал меня в щёку.

— Спасибо за обед. Я там за собой стол протёр.

— Хорошо, Серёж.

— И с отпуском пока не спешите, ладно? Мы ещё обсудим.

Полина потянула его за руку.

— Нам идти надо.

Кирилл задержался, чтобы вынести мусор. Уже на лестнице вернулся:

— Мам, я серьёзно верну.

— Хорошо.

— Ты только не думай, что я…

Он не закончил.

— Завтра поговорим.

Я закрыла за ним дверь, убрала со стола оставшийся хлеб и включила воду. В раковине было полно посуды, хотя каждый, уходя, спросил, надо ли мне помочь.

Я каждый раз отвечала: «Нет, чего тут».

Квартира быстро остыла без голосов. С улицы донеслось очередное «отдай нормально», потом грохнул мяч о гараж, и я закрыла окно.

Над столом висел календарь из нашей фирмы. На сентябрьской странице — улыбающаяся семья на фоне дачного газона. Я не очень понимала, какое отношение эта семья имеет к ремонту холодильных установок, но клиентам, вероятно, нравилось.

В клетках стояли мои записи: квартальный отчёт, оплатить Людмиле Петровне телефон, записать Полину к мастеру, посмотреть Кириллу шторы.

Про шторы я совсем забыла. Сын на прошлой неделе прислал размеры окна: «Мам, ты в этом разбираешься».

Сорок шесть лет, подумала я, и единственное подтверждённое умение — разбираться во всём понемногу, чтобы остальные могли не разбираться.

Мысль была злая. Несправедливая тоже. Я любила детей, любила наши обеды. Но сегодня мне вдруг захотелось, чтобы на календаре появилось что-нибудь ещё.

Телефон завибрировал у микроволновки.

«Натка, ты во вторник занята?»

Вера писала без приветствий. В начале нашей дружбы это меня обижало, а потом оказалось, что её вопрос про картошку или автобус вполне заменяет добрый вечер и пожелание здоровья.

«А что?»

«Во Дворце культуры фотоклуб начинает занятия. В семь. Пойдём».

Я посмотрела на свой телефон. На задней крышке тянулась тонкая царапина, стекло камеры я протирала краем футболки и считала это всей необходимой подготовкой к съёмке.

«У меня фотоаппарата нет».

«А у меня таланта. Сказали, можно без того и другого».

Я засмеялась.

Вера тут же прислала афишу. На ней был мокрый тротуар, отражение фонаря и маленькая подпись: «Учимся замечать город». Ни красивых девушек, ни закатов с розовыми лошадьми. Просто тротуар, по которому кто-то ходил каждый день и однажды решил остановиться.

Я увеличила фотографию.

«Там бесплатно первое занятие. Потом сама решишь. Я тебе стул займу».

На вторник в календаре пока ничего не было.

«Пойду», — написала я.

Почти сразу открылся семейный чат.

Полина прислала ссылку на детский магазин.

«Мам, во вторник вечером давай съездим. Там только до девяти, а Серёжа на смене. Надо коляску живьём посмотреть».

Я положила телефон экраном вниз. Потом снова взяла.

В пустой сентябрьской клетке я вывела шариковой ручкой: «19:00. Фотоклуб».

Почерк вышел какой-то школьный, с нелепой петлёй у буквы «ф».

Полине я в тот вечер так и не ответила.

Глава 2. Восемнадцать тысяч

Кирилл позвонил в девять двенадцать, когда я держала в одной руке телефон, в другой — папку с актами и плечом пыталась открыть кабинет.

— Доброе утро, мам.

— Подожди.

Папка начала разъезжаться. Я упёрлась коленом в дверь и успела поймать верхний лист.

— Ты на работе?

— Нет. Увлекаюсь спортивным ориентированием с документами.

— А. Я ненадолго.

В коридоре пахло свежей краской. Олег Викторович всё лето обещал обновить стены и почему-то выбрал для этого последний выходной августа. Теперь наш офис, где занимались ремонтом торгового оборудования, напоминал детскую поликлинику после переезда: бледно-жёлтые стены, таблички на скотче и дверь, которая перестала закрываться.

— Что у тебя?

— Хозяйка комнату держит до обеда. Ей ещё кто-то звонил.

Я положила папку на стол. Лариса, моя соседка по кабинету, молча отодвинула от неё стакан с водой.

— Восемнадцать?

— Да.

— По этому номеру перевести?

— По этому. Мам, я помню, что надо вернуть.

— Тогда напиши мне, как ты собираешься это сделать.

— В смысле?

— В прямом. Когда и сколько.

На том конце стало тихо.

Я увидела в этом молчании мальчика у школьной доски: задачу он в общих чертах понял, но решение собирался придумать по дороге к ответу.

— Слушай, мне сейчас на смену, — сказал Кирилл. — Я вечером всё посчитаю. С первой зарплаты половину, со следующей остаток. Должно получиться.

— Хорошо. Это взаймы, Кирюш.

— Да знаю я.

Он сказал это чуть резче, чем требовалось, и тут же добавил:

— Спасибо. Я тебе комнату сфоткаю, когда ключи дадут.

Я перевела деньги.

В приложении осталось сто две тысячи. Цифра не страшная, не бедственная. Но прежняя круглая сумма мне нравилась больше.

— Залог? — спросила Лариса, не отрываясь от монитора.

— По лицу видно?

— По голосу. За холодильник ты так не торгуешься.

Лариса умела слушать ровно столько, сколько нужно, чтобы понять суть, а потом возвращалась к своему делу. Поэтому я её любила. Если бы она сейчас стала расспрашивать, почему взрослый сын опять просит, пришлось бы либо оправдывать его, либо наговаривать. Ни того ни другого мне не хотелось.

Я включила компьютер. На экране висело обновление, которое требовало чего-то от меня ещё в пятницу. Я опять нажала «Позже». Дома я так же откладывала пакет с одеждой, которую давно собиралась подшить.

На стол легли два новых документа. Потом третий.

— Наталья Сергеевна, посмотрите, пожалуйста, — сказала из двери наша менеджер Олеся. — Мне кажется, тут ошибка.

— Где?

— Ну, вообще.

Я посмотрела на неё поверх очков.

— Очень точное место.

Олеся улыбнулась.

У неё в накладной перепутали две позиции. На поиск ушло меньше времени, чем на звонок поставщику, потому что поставщик сначала три раза сообщил, что у него всё правильно. Лариса отпечатала платёжку не на том принтере. На том, который теперь стоял в кабинете директора, а провод к нему проходил через коридор. Олег Викторович пришёл с вопросом, почему документ напечатался у него под чужим именем.

К половине двенадцатого я забыла и про залог, и про своё раздражение.

Эта часть работы мне даже нравилась. Бумаги были упрямыми, но упрямство у них хотя бы поддавалось объяснению. Если строка не сходилась, можно было найти, где именно она перестала сходиться. Документ не начинал после этого плакать и спрашивать, неужели ты ему не доверяешь.

В обед я раскрыла контейнер с гречкой, которую забыла вчера поставить в холодильник. Запах у гречки был подозрительно бодрый.

— Не ешь, — сказала Лариса.

— Я ещё не решила.

— Она решила за тебя.

Лариса вытащила из своей сумки два бутерброда, один положила мне на салфетку.

— Я верну.

— С ближайших зарплат?

Я засмеялась так неожиданно, что пришлось прикрыть рот рукой.

— Подслушиваешь.

— Кабинет маленький. Тут можно только участвовать или делать вид.

Мы ели, не включая большой свет. За окном, на жестяном козырьке, сидел голубь и косился на крошки. На соседнем здании рабочий менял вывеску. Он снял одну букву, и название фирмы сделалось неприличным.

Лариса первая заметила.

— Я бы так оставила. Клиентов сразу станет больше.

— Не всех.

— Зато честная реклама.

Я достала телефон, чтобы сфотографировать вывеску для Веры. На экране тут же появилась вчерашняя афиша фотоклуба.

— Ты куда-то собралась? — спросила Лариса.

— Пока не знаю.

— Это же «Берег». У меня племянница туда ходила.

— И как?

— Замуж вышла. Но по другому поводу.

— Я про фотографии.

— Фотографии хорошие. Снимала лужи, заборы. Долго выбирала, где доска кривее.

Я увеличила афишу ещё раз.

Полина всё ещё ждала моего ответа про коляску. Утром я успела написать ей «на работе, потом», а дальше она сама прислала три варианта и вопрос: «Ты багажник померил?» Потом спохватилась: «Ой, это Серёже».

Раньше у нас была машина. После смерти Павла я её продала. Водить умела, но три года назад даже поездка до магазина отнимала столько сил, что я постоянно пересчитывала перекрёстки вместо того, чтобы смотреть на дорогу. Потом привыкла обходиться автобусами и решила не торопиться с новой покупкой.

Коляску дочь собиралась возить не в моём багажнике. Но выбирать её почему-то обязательно должна была я.

Я набрала: «Во вторник вечером занята. Давай в среду».

Стёрла «занята». Написала «у меня дела».

Это выглядело ещё хуже, будто я заранее не доверяла дочери и скрывала что-то серьёзное.

Я вернула первое слово и отправила.

— Лицо у тебя, — сказала Лариса, — как будто ты с работы увольняешься.

— Я с дочерью переписываюсь.

— Тогда понятно.

Полина прочитала сразу.

«А какие дела?»

Я положила телефон под блокнот.

Через минуту достала.

«На занятие собираюсь».

«На какое?»

«В фотоклуб».

Она долго не отвечала. Я успела допить чай, собрать крошки и вымыть за собой чашку. Только вернулась к столу — раздался звонок.

— Мам, ты серьёзно?

В её голосе не было злости. Скорее недоумение, почти смешок.

От этого стало почему-то ещё неловче.

— Серьёзно.

— Ты же никогда не фотографировала.

— Вас фотографировала.

— Ну нас все фотографируют.

Я посмотрела на своё отражение в погасшем экране монитора. Очки сползли к кончику носа.

— Поэтому и хочу попробовать.

— А другое время у них есть?

— Я не знаю.

— Узнай. Потому что в среду у Серёжи выходной, он может нас отвезти, но если ему позвонят…

— Поль, давай в среду.

Она выдохнула в трубку.

— Ладно. Просто я хотела ещё кроватку посмотреть, и надо всё понять до скидок. Потом декабрь, понимаешь?

— До декабря три месяца.

— Они быстро пройдут.

Я едва не сказала: «Если не успеем, в выходной съездим». Остановилась. Ещё одно обещание казалось лёгким, пока лежало в конце чужой фразы.

— В среду после работы я могу до восьми.

— До восьми так до восьми.

Повисла короткая пауза.

— Ты обедала? — спросила Полина.

— Да.

— А то у нас тут суп есть, Серёжа много сварил. Я могу тебе банку передать, он вечером мимо будет ехать.

Я посмотрела на пустую салфетку.

— Передай. Спасибо.

— Ты только банку потом верни. Это та, с крышкой хорошей.

— Обязательно.

После звонка мне стало одновременно легче и хуже. Легче — потому что ничего страшного не случилось. Хуже — потому что я успела раздуть обычную договорённость до почти семейной катастрофы, а дочь в конце спросила про мой обед.

Лариса ничего не сказала. За это я мысленно отдала ей ещё один бутерброд.

В половине четвёртого в кабинет заглянул Олег Викторович.

— Наталья Сергеевна, на минуту.

Я взяла блокнот.

— Не надо, — сказал он. — Я просто спросить. Вы на декабрь отпуск не переносите?

У меня на секунду похолодели ладони.

— А что?

— Олеся хочет перед праздниками несколько дней, надо, чтобы вы не совпали. У вас оставшиеся дни вроде в ноябре стояли.

— Мне, возможно, понадобится в декабре. У дочери ребёнок родится.

— Поздравляю. Когда примерно?

— В середине.

— Тогда определитесь, пожалуйста. Не срочно сегодня. На неделе скажете.

Он ушёл.

Вчера Полина говорила так, будто мой отпуск уже решён. Олег Викторович спрашивал, будто решение зависело от меня. Он даже не знал, что своим обычным рабочим вопросом поставил меня в тупик.

В ноябре я хотела остаться дома. Не лететь на море, не ехать в санаторий. Просто несколько дней не вставать по будильнику, перебрать книги, помыть окно без спешки, сходить куда-нибудь днём. Я никому об этом не рассказывала. Слишком скромный план, чтобы его объявлять. Теперь оказалось, что без объявления у плана почти нет шансов.

Я написала в блокноте: «Отпуск».

Подчеркнула и больше ничего не добавила.

Кирилл прислал фотографии в пять сорок.

Комната была узкая, с одним окном. На подоконнике стояла засохшая герань. В углу — складной стол, на стене — светлый прямоугольник от снятой картины.

«Нормально?» — спросил сын.

Я стала увеличивать снимок. Проверила батарею, розетку у кровати, дверь шкафа. Хотела уточнить, не дует ли из окна. Потом заметила, что на экране опять открыта клавиатура и я уже пишу длинный список того, что ему следует спросить у хозяйки.

«Ты сам как думаешь?» — отправила я.

«Норм. До работы два автобуса, но оба часто ходят».

«Договор посмотрел?»

«Да, мам».

«Тогда нормально».

Он прислал фотографию ключей на ладони. Ладонь была большая, с коротко обрезанными ногтями, совсем взрослая. Я всё ещё помнила, как на ней помещался один грецкий орех и Кирилл показывал мне его с таким видом, будто держит земной шар.

Через десять минут пришло: «Спасибо за деньги».

Я ответила: «Пожалуйста».

О сроках он ничего не написал. Я тоже не напомнила. На сегодня моей решительности хватило только на вторник.

Вечером Сергей действительно привёз суп. Вручил банку и пакет с двумя пирожками.

— Это Полька ещё положила. Сама пекла.

— Когда успела?

— Она теперь если волнуется, либо списки пишет, либо печёт. Сегодня оба варианта.

Он улыбался устало. Я видела, что ему хочется домой, но он из вежливости ждёт, не надо ли мне чего-нибудь.

— Спасибо, Серёж. Езжай.

— Вы во вторник всё-таки не можете?

Я уже открыла рот.

Потом сказала:

— Не могу.

Сергей кивнул, как будто услышал ровно то, что я произнесла.

— Тогда в среду. Я сам за вами заеду.

И ушёл.

Никакой обиды в нём не было.

Во вторник к шести вечера у меня появилось сразу три причины остаться дома.

Во-первых, пошёл мелкий неприятный дождь. Во-вторых, на тёмно-зелёном свитере обнаружилось пятно, которого я вчера не видела. В-третьих, я так и не поняла, нужно ли брать тетрадь.

С тетрадью было особенно удобно. Не выяснив такой важный вопрос, приличный человек никуда не пойдёт.

Я написала Вере.

«А с собой что?»

«Себя. Телефон. Очки, если без них».

«Я не про это. Записывать надо?»

«Записывай на руке. Наташ, выходи уже».

Я надела другой свитер, серый. Взяла зонтик и у двери вспомнила про зарядку телефона. Батарея показывала тридцать восемь процентов. Я не представляла, сколько энергии расходует человек, который наконец собирается заниматься чем-то новым.

Подключила зарядку.

Постояла.

Из кухни тикали часы. Дождь шуршал по подоконнику. В ванной сохло бельё, которое утром я забыла развесить как следует. Можно было сейчас всё перевесить, пока телефон заряжается. Потом разобрать пакет с пелёнками, оставшийся у шкафа. Потом уже решать, успеваю ли на автобус.

Я вынула зарядку.

Телефон потемнел у меня в руке. Тридцать девять процентов.

«Мы тебя не на Северный полюс отправляем, — написала Вера. — В ДК розетки есть».

Я проверила плиту и замок. Впервые за много месяцев мне было неловко уходить из квартиры просто так: не за хлебом, не по работе, не к детям.

На лестнице я остановилась и поискала в кармане ключи. Они были там, где и должны.

Я ничего не забыла.

Во всяком случае, ничего, без чего нельзя прожить два часа.

Глава 3. Свет из окна

Во Дворце культуры пахло мокрыми пальто и краской для пола. У входа стояла афиша с улыбающимся баянистом, а за стеклянной дверью женщина в красном жилете объясняла кому-то по телефону, что танцы живота проходят в четверг.

— Вы куда? — спросила она, прикрыв трубку ладонью.

— В фотоклуб.

— Двести четырнадцатая. Второй этаж. По лестнице направо, потом налево.

Я повторила про себя, как повторяла названия лекарств, когда они ещё были сложнее пароля от банка.

— Если упрётесь в хор, значит, рано повернули, — добавила женщина и вернулась к разговору.

Из-за одной двери действительно пели. Очень громко и не совсем вместе. Я почему-то приободрилась: если этим людям можно заниматься тем, что у них пока не получается, мне, вероятно, тоже.

Вера ждала у лестницы. В одной руке у неё был большой бумажный стакан, в другой — зонт, с которого натекла лужица.

— Пришла.

Она сказала это так просто, что моё собственное появление перестало выглядеть подвигом.

— Ты меня встретить вышла?

— Кофе купить. Но считай, что тебя.

— Хорошо считаю.

Мы поднялись на второй этаж. В коридоре горели не все лампы, на стене висели фотографии танцевальных коллективов разных лет. В одном из коллективов я узнала нашу бывшую соседку. Ей было примерно столько же, сколько сейчас Полине, и на чёрно-белом снимке она смеялась совершенно чужим молодым лицом.

— Наташ, сюда.

В кабинете стояли столы, сдвинутые к стене, и стулья полукругом. На подоконнике рос огромный цветок в ведре из-под краски. Листья упирались в стекло, и кто-то подвязал их широким зелёным шарфом.

Я села рядом с Верой, положила сумку на колени и посмотрела, куда остальные убирают свои вещи.

Всего нас было девять. Девушка в спортивной куртке, пожилой мужчина с фотоаппаратом на ремне, две женщины, которые пришли вместе и уже спорили о том, где лучше свет. Ещё двое расселись поодаль. У двери стоял мужчина в тёмной рубашке и пытался стряхнуть дождевые капли со своего телефона.

— Вот, — шепнула Вера. — Не мы одни ничего не умеем.

— Откуда ты знаешь, что они не умеют?

— Я верю в людей.

Перед нами остановилась невысокая женщина с короткой стрижкой. Она сняла очки, повесила их на цепочку и улыбнулась без особой торжественности.

— Меня зовут Ирина Марковна. Сначала скажу неприятное: сегодня шедевров не обещаю.

— А когда? — спросил мужчина у двери.

— Посмотрим, как будете вести себя.

Он улыбнулся и сел с противоположной стороны полукруга.

У него были крупные руки, не похожие на руки человека, который весь день печатает. На правом запястье — светлая полоса от снятых часов. На щеке, ближе к подбородку, остался маленький порез. Я заметила всё это почему-то раньше лица.

Лицо оказалось обычным, приятным. Тёмные волосы с проседью у висков, чуть усталые глаза. Не такой мужчина, от которого я сразу отвела бы взгляд. Это тоже было непривычно.

Ирина Марковна попросила представиться и сказать, зачем мы пришли.

Девушку в спортивной куртке звали Дашей. Она хотела красиво снимать выпечку для своей страницы. Пожилой мужчина, Борис Михайлович, всю жизнь фотографировал, но теперь собирался освоить телефон, подаренный внуком. Две подруги хотели делать хорошие фотографии из поездок.

— А я пока не знаю, — сказала Вера. — Пришла с подругой.

И тут же кивнула на меня.

Пришлось выпрямиться.

— Наталья. Я… просто попробовать.

— Что обычно снимаете?

— Детей.

— Маленьких?

— Уже больших.

Кто-то улыбнулся. Я почувствовала, что краснею, и рассердилась на себя за это. Не на экзамен пришла, в самом деле.

— Ещё документы иногда, — добавила я. — Чтобы не переписывать.

— Очень полезный навык, — серьёзно ответила Ирина Марковна. — Посмотрим, что к нему можно добавить.

Мужчина напротив сказал:

— Андрей. Мне интересно научиться снимать вещи так, чтобы по снимку можно было понять, что за вещь.

— Вы продаёте что-то?

— Иногда. Я в мастерской работаю, мебель восстанавливаем. Посылаю заказчику фотографию стола, а он спрашивает, это ещё до ремонта или уже после.

Смех прошёл по полукругу легко, без злости.

Мне понравилось, что Андрей рассказал это сам. На его месте я, наверное, придумала бы причину посолиднее.

Ирина Марковна попросила открыть последние фотографии на телефоне и выбрать три. Я пролистала Полинины снимки из магазина, Кириллову комнату, номер счётчика, упаковку порошка, которую мне прислала Лариса. Между всем этим нашёлся горшок с базиликом на кухонном окне. Я фотографировала его, чтобы спросить Веру, почему листья желтеют.

На снимке за растением виднелись соседний дом, кусок неба и полоска утреннего солнца на клеёнке.

— А вот это зачем? — спросила Ирина Марковна, когда очередь дошла до меня.

— Хотела узнать, что с ним не так.

— С кем?

— С базиликом.

Она немного отодвинула телефон.

— А мне здесь окно нравится. Смотрите, сколько воздуха справа.

Я никогда не смотрела на правую половину этой фотографии. Меня интересовали только больные листья.

Она не стала объявлять меня талантливой. Показала, как я обрезала краем кадра один горшок, а другой зачем-то оставила целиком. Спросила, что именно я хотела показать. Я отве-

тила про листья. Ирина Марковна кивнула, но попросила после занятия дома сделать второй снимок — уже для себя, не для вопроса Вере.

Пока она разговаривала с девушкой в спортивной куртке, напротив заиграла бодрая музыка.

Андрей вздрогнул, посмотрел на телефон и торопливо нажал на экран.

Музыка оборвалась.

— Извините.

Через минуту она заиграла опять.

Он нахмурился.

Борис Михайлович вытащил из кармана очки.

— Это у вас будильник?

— Очень похоже.

— Так вы его выключите.

— Прекрасная мысль. Сейчас бы ещё понять, как.

Оказалось, Андрей открыл видео своей работы, которое сняла дочь, и никак не мог выйти из него: телефон намок, палец скользил по стеклу. Он вытер экран носовым платком, повторил попытку и наконец победил.

— Всё, — сказал он. — Стол продемонстрировал себя достаточно.

Я засмеялась вместе с остальными и вдруг заметила, что уже не держу сумку на коленях. Поставила её под стул и даже вытянула ноги.

Потом нас отправили на улицу.

Дождь почти закончился. Под козырьком у входа блестела плитка, в лужах дрожали прямоугольники окон. Ирина Марковна предложила за двадцать минут найти что-нибудь интересное совсем рядом. Отдельно попросила не мешать прохожим.

— Увидите красивого человека — сначала улыбнитесь, а не тыкайте ему телефоном в нос.

— Это обнадёживает, — сказала Вера. — Значит, шанс есть.

Она тут же ушла снимать афишу баяниста. Меня почему-то заинтересовала старая дверь с чёрного хода. На ней сохранилась медная ручка, отполированная чужими ладонями. Вода стекала по зеленоватому металлу и собиралась каплей у замочной скважины.

Я присела, попробовала снять сбоку, потом прямо.

В кадр попадал мусорный контейнер.

Шагнула влево — появился знак «Не курить». Вправо — контейнер сделался главным действующим лицом.

— Непростой объект, — сказал кто-то за спиной.

Я обернулась.

Андрей стоял в двух шагах, держал телефон обеими руками и совершенно серьёзно смотрел на дверь.

— Вы тоже её снимаете?

— Пытался. Но пока побеждает бак.

— У меня тоже.

Он подошёл ближе, но не стал забирать телефон или показывать, как надо. Посмотрел, откуда я снимаю.

— А если отсюда?

Я сделала шаг туда, куда он кивнул. Бак исчез. Вместо него в нижнем углу возник Андрей.

— Теперь вы, — сказала я.

Он посмотрел на экран.

— Понятно. Значит, бак был не самым плохим вариантом.

Я улыбнулась и попросила его отойти чуть левее. Потом ещё. Он послушно переступал по мокрой плитке, пока не оказался за кадром.

На фотографии осталась ручка, тёмная краска и отсвет окна на капле воды.

Ничего особенного. Я бы спокойно прошла мимо этой двери ещё тысячу раз. Но снимок мне понравился.

— Получилось? — спросил Андрей.

Я показала.

Он наклонился посмотреть. От его рубашки пахло дождём и чем-то тёплым, древесным. Наверное, я придумала второе уже после того, как услышала про мастерскую.

— Хорошо, — сказал он.

— Вы понимаете?

— Пока только нравится или не нравится.

— Мне тоже.

— Значит, начало у нас примерно одинаковое.

Он показал свой снимок. В луже отражались светлые окна, а поверх отражения лежал жёлтый лист. В угол попал носок его ботинка.

— У меня автопортрет, — сказал Андрей.

Мне было смешно с ним. Не потому, что он старался меня развлечь, а потому, что не делал из себя человека, которому всё известно. Я вдруг обнаружила, что это довольно редкое удовольствие.

Когда вернулись в кабинет, Ирина Марковна вывела наши снимки на экран. У Бориса Михайловича получился расплывчатый велосипед. У Веры — баянист, задумчиво смотревший в сторону мусорного контейнера. Мы спорили, что на фотографии Натальи лишнее, а потом я сообразила, что Наталья — это я и обсуждают мою дверную ручку.

— Не обязательно обижаться на замечания, — тихо сказал Андрей, когда заметил, как я напряглась.

— Я пока выбираю, на какое обидеться.

— Тогда на моё. Я сказал, что ручка большая.

— Она и есть большая.

— Всё, я уже боюсь.

Я повернулась к нему и увидела, что он улыбается глазами. Так, что у висков собираются мелкие складки.

На занятия можно было записаться за небольшую ежемесячную плату. Ирина Марковна проговорила сумму, Вера достала блокнот. Никто никого не уговаривал. Если человеку хотелось походить — записывался. Если не хотелось — благодарил и уходил.

Мне это понравилось почти сильнее, чем дверная ручка.

Я написала свою фамилию в списке.

На обратном пути Вере позвонили с работы. Она отошла к окну и стала объяснять, где лежит журнал, который без неё никто не мог найти. Потом заторопилась: наутро её попросили выйти пораньше.

— Ты не обидишься, если я бегом? — спросила она.

— Нет.

— У тебя телефон-то живой?

Я показала восемнадцать процентов.

— До дома хватит. Звони, если что.

Она сжала мою руку и побежала по лестнице, стуча сложенным зонтом по перилам.

Я задержалась у выхода. Дождь остановился, но зонт всё равно надо было раскрыть, чтобы вытряхнуть воду. С ним в одной руке и телефоном в другой я никак не могла нащупать в сумке проездной.

— Вам на остановку? — спросил Андрей.

— Да.

— Мне тоже.

Мы пошли рядом.

Без группы и разговоров о снимках я вдруг смутилась. В классе всё было понятно: у нас одно задание. Сейчас оставалось только идти с незнакомым мужчиной, который тоже направлялся к автобусу. Я успела придумать, что он, вероятно, жалеет, что заговорил.

— Вы давно сюда ходите? — спросила я.

— Сегодня первый раз.

— Я тоже.

— Я заметил.

Я насторожилась.

— По какому признаку?

— Сумку к себе прижимали. Я сегодня телефон держал так же. Всё казалось, что сейчас спросят, что я тут делаю.

Я рассмеялась.

— Я могла бы уйти.

— Почему?

— У меня на свитере пятно было.

Он посмотрел на мой серый свитер. Я поспешила объяснить:

— На другом.

— А. Тогда понятно. У меня аргумент был сильнее: припарковаться негде. Пришлось машину дома оставить и ехать на автобусе.

На остановке стояли две девушки с букетом. В бумажной упаковке блестели капли, девушки ели мороженое и громко обсуждали чью-то свадьбу. Я долго смотрела на букет, прежде чем поняла, что тоже могла бы достать телефон.

Не достала. Просто запомнила.

— В следующий раз вроде к реке пойдём, — сказал Андрей. — Там набережную после ремонта открыли.

— Я слышала.

— Съёмочный маршрут поищем. Вы будете?

Я хотела ответить «если получится». Слова были знакомые и безопасные: никаких обещаний, всегда есть куда отступить.

— Буду, — сказала я.

Подошёл мой автобус. Я успела найти проездной.

— До вторника, Наталья.

— До вторника.

В салоне было тепло. Я села у окна и увидела Андрея на остановке. Он пропускал вперёд женщину с тяжёлым пакетом, отступил и только потом посмотрел в мою сторону.

Я подняла руку.

Он поднял свою в ответ.

Дома я поставила сумку на стул, налила воды в чайник и открыла фотографию дверной ручки. Отправила Вере.

Она ответила почти сразу:

«Хорошая. У меня баянист тоже ничего».

Я хотела написать ещё про Андрея, но не нашла, что именно. Мужчина, с которым посмеялась над баком. Приятный, обычный. На остановке пропустил женщину. Из этого пока не складывалось ничего, что требовалось сообщать лучшей подруге.

В общем чате фотоклуба появились первые сообщения.

«Спасибо за занятие».
«Подскажите, снимки сюда высылать?»
«А вторник во сколько?»
Потом написал участник с именем «Андрей К.».
«Наталья, вы ручку сохранили? Можно посмотреть, как у вас вышло?»
Я ещё раз открыла свой снимок, приблизила, зачем-то проверила края.
И отправила.

Глава 4. Чужой вечер

В среду мы с Полиной купили коляску.

Вернее, Сергей оплатил её, Полина выбрала цвет, а я сорок минут держала сумки и повторяла, что коричневый тоже хороший. Продавец складывал коляску одной рукой с таким видом, словно в другой у него обычно находился спящий младенец и пакет картошки.

— Попробуйте сами, — предложил он.

Полина взялась за ручку. Рама не поддалась.

— Здесь надо одновременно.

— Я одновременно.

— И вот эту кнопку.

— У меня уже все пальцы заняты.

Сергей присел рядом, нашёл кнопку, и коляска сложилась так неожиданно, что мы втроём отступили.

— Главное, ребёнка сначала вынуть, — сказала я.

Полина засмеялась. Последние дни она часто сердилась на собственную неловкость и смеялась реже, чем раньше. Я обрадовалась и тут же купила в соседнем отделе две совершенно ненужные распашонки.

— Мам, мы же договорились ничего больше не брать.

— Они маленькие.

— Так в этом и проблема. Он из них через неделю вырастет.

— Дома отдашь мне. Буду на них смотреть.

Она прижалась щекой к моему плечу.

— Чудная ты.

Домой они повезли коляску на машине, а я пошла к остановке с маленьким пакетом. Уже на улице заметила в стекле магазина наше отражение: Сергей придерживал дверь, Полина что-то ему показывала на телефоне. Я стояла чуть позади, по другую сторону стекла, и они меня не видели.

Раньше я, наверное, постучала бы и напомнила о чём-нибудь. О чеке, гарантии, непромокаемой накидке. Теперь просто пошла дальше.

На ближайшей клумбе рабочий выкапывал засохшие бархатцы. Рядом стоял ящик с новыми цветами, ещё в горшках. Я достала телефон и попыталась снять его руки, землю и яркие головки у ног.

Рабочий поднял глаза.

— Для жалобы?

— Что?

— Фотографируете. Обычно для жалобы.

— Нет. Для себя.

— Тогда с этой стороны. Тут я уже посадил.

Он показал на другую половину клумбы и выпрямился, придерживая поясницу.

Я послушно обошла ограждение. На снимке оказались цветы, грязная лопата и кончик моего пакета из детского магазина. Пакет я убрала. Лопату оставила.

Вечером отправила фотографию в группу. Ирина Марковна ответила: «Посмотрите, как тень от ящика держит нижний угол». Я долго рассматривала нижний угол. Мне раньше и в голову не приходило, что у него могут быть какие-то обязанности.

Андрей поставил под снимком значок с поднятым большим пальцем.

Ничего особенного. Полина ставила мне такие значки под фотографиями показаний счётчиков.

Я всё равно посмотрела ещё раз.

К следующему вторнику похолодало. На работе включили обогреватель, который грел ноги Ларисе и сушил воздух всем остальным. Олеся принесла из дома плед и весь день ходила в нём, как недовольная королева.

Я заранее закончила сверку, закрыла программу и стала складывать бумаги.

— У тебя сегодня кружок? — спросила Лариса.

— Фотоклуб.

— Ну да. А у меня кружок по интересам в продуктовом. Сначала круг по залу, потом интересно, почему столько денег.

Я засмеялась и застегнула сумку.

В раздевалке обнаружилось, что помада лежала не в том кармане. Я переложила её ещё утром. Потом зачем-то подкрашивала губы в обед, хотя ела бутерброд за столом и никуда не выходила.

Сейчас стёрла с края нижней губы неровную полоску и сказала своему отражению:

— Просто идёшь на занятие.

Из кабинки вышла Олеся.

— А я просто хочу домой, — сообщила она. — Но холодильщик опять счёт не прислал.

Мы обе сделали вид, что ничего странного не произошло.

У Дворца культуры собрались почти все. Борис Михайлович надел жилет с таким количеством карманов, что я почувствовала себя неподготовленной. Вера пришла последней и на ходу жевала булку.

— Не смотри. Это ужин.

Андрей стоял у перил, без головного убора, в тёмно-зелёной куртке. Когда увидел меня, убрал телефон.

— Добрый вечер.

— Здравствуйте.

— Клумбу вашу показывал коллеге.

Я успела испугаться.

— Зачем?

— Он говорит, у нас после рабочего дня бывает примерно такой порядок. Только цветов нет.

— Она что, неудачная?

— Наоборот. Я про лопату.

Мы оба улыбнулись, и я перестала теребить замок на сумке.

Ирина Марковна повела нас к реке. До набережной оказалось пятнадцать минут, хотя я была уверена, что от Дворца культуры туда далеко. Просто обычно я шла к остановке в другую сторону.

Мы получили задание найти в движении что-нибудь неподвижное. Или наоборот. Я переспросила, и Ирина Марковна сказала:

— Снимите, как поняли. Потом разберёмся.

— Отличное правило, — заметила Вера. — Надо у себя на работе ввести.

На нижней дорожке ветер гонял сухие листья. Молодой отец пытался научить девочку кататься на самокате, но она хотела везти самокат рядом. Две женщины занимались скандинавской ходьбой и обсуждали чужую дачу. Вода казалась плотной, серой; дальний берег уже темнел.

Я несколько раз сняла пришвартованную лодку. На каждом снимке она выглядела так, словно сейчас утонет.

— Может, это не мой предмет, — сказала я.

Андрей посмотрел на экран.

— Лодки?

— Фотография.

— До лодок у вас хорошо получалось.

Он отошёл, присел у края дорожки и начал снимать верёвку, которой лодка была привязана к столбику. У меня получилось заметить только верёвку. У него на экране вдруг оказалась ещё и длинная дрожащая тень.

— Вы давно ходите с телефоном и приседаете? — спросила я.

— Неделю. Но спина уже против.

Я попробовала снять ту же тень, встала чуть в стороне. Когда подняла голову, Андрей смотрел на воду. Ветер шевелил короткие волосы на затылке. Мне захотелось снять его самого.

Я не сняла.

Телефон зазвонил в руке.

На экране была Полина.

— Да, моя хорошая.

— Мам, ты дома?

— Нет, на набережной.

— Гуляешь?

Я посмотрела на остальных. Ирина Марковна что-то объясняла Борису Михайловичу, Вера ловила улетевший край шарфа. Андрей отошёл к ступенькам, оставив меня одну.

— У нас занятие.

— А, точно. Слушай, я тебе ссылку прислала. Там кроватка. Глянь сейчас, пожалуйста.

— Давай я через час посмотрю.

— Там скидка до девяти.

Я подняла глаза на часы у киоска. Без двадцати восемь.

— До девяти успеем.

— Серёжа говорит, она слишком большая. А я не понимаю, куда тогда комод. Если кроватку развернуть к окну, там же батарея.

Из трубки донёсся голос Сергея:

— Я не говорю, что слишком большая. Я говорю, давай измерим.

— Мы уже измеряли! Мам, ты можешь по видео? Я тебе покажу угол.

Я уже повернула к верхней лестнице. Там меньше дуло, удобнее было поставить телефон на перила. Потом можно было бы посмотреть квартиру, обсудить комод, объяснить Сергею, почему Полине сейчас трудно принимать решения. А после сесть на автобус и поехать к ним с рулеткой. У меня хорошая рулетка, длинная.

Ирина Марковна помахала нам с другого конца площадки:

— Ещё десять минут, потом собираемся!

Я остановилась.

— Полин, я сейчас не буду по видео.

В трубке стало тихо.

— Ты занята?

— Да. Я же сказала, у меня занятие.

— Я думала, вы просто гуляете.

Мимо меня пробежала та самая девочка, таща за собой самокат. Отец еле успевал.

— И гуляем тоже, — ответила я.

— Ладно.

Это короткое слово у Полины умело превращаться в целую речь. Я слышала и «не ожидала», и «значит, мешаю», и даже «может, ещё разрешение получить, чтобы позвонить».

— Я позвоню тебе в половине девятого, — сказала я. — Посмотрим кроватку. А пока померьте стену ещё раз. Не по памяти.

— У нас вроде двести сорок.

— Вот и проверьте это «вроде».

— Хорошо.

— До половины девятого.

Я отключилась и несколько секунд стояла, не убирая телефон.

Звонить она имела право. Хотеть моей помощи тоже. Все эти разумные мысли тут же набежали ко мне, готовые объяснить, почему надо перезвонить. Но ведь я помощи не отказала. Всего лишь назначила время.

От этого время почему-то стало похоже на вещь, которую я незаметно вынесла из собственного дома.

— Вы нашли что-нибудь? — спросил Андрей, когда я вернулась.

— Пока лодку.

— Она всё ещё там.

Он не спросил, что случилось. Не сказал, что взрослые дети должны понимать. Просто подвинулся, освобождая мне место у перил.

Мы показали снимки Ирине Марковне. Мою лодку она отвергла безжалостно.

— Здесь вы решили, что фотографируете воду, а сами всё время следили, чтобы в кадр попало побольше.

— Я часто так делаю, — призналась я.

— Тогда попробуйте поменьше.

Следующий снимок получился почти пустым: кольцо в каменной стенке, мокрая верёвка, полоска воды внизу. Не знаю, было ли это красиво, но я узнала в нём именно тот вечер. Холодную руку, запах реки, свет, который уходил прямо на глазах.

Вера заглянула через плечо.

— Куплю, когда разбогатеешь.

— Я думала, я должна разбогатеть, когда ты купишь.

— Вот поэтому у нас ничего и не получается.

На обратном пути Андрей спросил, иду ли я к той же остановке.

Я кивнула. До половины девятого оставалось двадцать минут. Впервые за много лет у моего вечера был небольшой свободный кусок с точными краями.

Мы шли рядом. Вера осталась позади с одной из женщин: они обсуждали магазин тканей. У Андрея на воротнике лежал маленький жёлтый лист. Я смотрела на него и не могла решить, сказать или снять.

— У вас тут…

Он провёл ладонью по плечу, не туда.

— Нет, с другой стороны.

Наконец я сама сняла лист.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Обычное движение. Я почему-то всё ещё чувствовала шершавый край его куртки на пальцах.

У остановки он не стал продолжать разговор, когда я достала телефон.

— Вам обещанный звонок делать?

— Через семь минут.

— Тогда ещё успею спросить. Вы по субботам тоже заняты?

Я подняла на него глаза.

— Смотря в какую субботу.

— В ближайшую. Я хотел дойти до старого моста. Там утром хороший свет. Можно и без света, если погода испортится.

Сердце у меня не забилось, как в двадцать лет. Оно просто ударило один раз сильнее, и я это услышала.

— С группой?

— Нет.

Он ответил спокойно. Я могла бы сделать вид, что не поняла, и предложить позвать Веру. Наверное, именно так я бы и сделала ещё минуту назад.

— Утром могу, — сказала я.

— В десять?

— Давайте.

Подошёл мой автобус. Я забралась в тёплый, пахнущий резиной салон и села у окна. Андрей остался на остановке. Телефон показал половину девятого.

Я позвонила Полине.

Кровать оказалась обычной, деревянной. Никакой чудесной скидки на неё не было: в другом магазине она стоила ровно столько же и без красной надписи. Мы измерили комнату по видео, нашли место для комода и выяснили, что Сергей собирается повесить полку как раз там, где Полина хотела ночник.

Они поспорили ещё немного и договорились сами.

— Мам, а у тебя как? — спросила дочь, когда Сергей ушёл искать карандаш.

— Хорошо.

— Что снимали?

— Воду. Лодку. Верёвку.

— Верёвку?

— Да.

— Понятно.

На экране было её лицо, близкое, округлившееся, чуть усталое. За плечом виднелась наша старая клетчатая подушка. Я отдала её Полине, потому что ей было удобно подкладывать её под спину.

— У тебя там весело? — спросила она.

— Иногда.

— А люди какие?

— Разные. Есть мужчина, мебель реставрирует. Есть девушка, которая торты печёт. Две подруги…

— Мужчина? — Полина улыбнулась. — Мам, у тебя что, жених?

Я тоже улыбнулась, готовая немедленно сказать «какой ещё жених». Очень удобные слова. Можно произнести легко, и никто не заметит, как ты ими от чего-то отгородилась.

— У нас фотоклуб, Полин.

— Да я шучу.

— Я поняла.

— Ты только в субботу не забудь: я хотела поехать к бабушке, вещи забрать.

Вот оно. Я действительно обещала как-нибудь съездить с ней к Людмиле Петровне, посмотреть сохранившиеся детские одеяла. Но субботу мы не назначали.

— Давай в воскресенье после обеда, — сказала я.

— А в субботу?

Я посмотрела в окно. Там отражалась женщина с телефоном у лица. От помады почти ничего не осталось. Зато глаза у неё были внимательные и странно весёлые.

— В субботу утром я занята.

Полина вздохнула.

— Хорошо. В воскресенье так в воскресенье.

Мы ещё поговорили о супе, который она пересолила, и о том, что Сергей всё равно съел две тарелки. Потом попрощались.

Я убрала телефон и только тогда поняла, что проехала свою остановку.

Пришлось выйти на следующей. До дома было идти минут двенадцать. Я подняла воротник и пошла пешком, впервые не сердясь на лишнюю дорогу.

Глава 5. Маршрут вдоль реки

В субботу я проснулась в семь, хотя будильник поставила на половину девятого.

До десяти можно было вымыть кухню, сменить постель и приготовить что-нибудь на два дня. Я полежала ещё немного, потом встала и сделала всё, кроме кухни. Когда взялась за тряпку, заметила время: без двадцати девять.

Человек, который собирался просто погулять, почему-то уже начинал торопиться.

Я выбрала джинсы и светлый свитер. В нём удобно было ходить, он мне шёл, и я носила его достаточно давно, чтобы никто не мог заподозрить специальных приготовлений. Этот последний довод меня смутил. Кто именно собирался меня подозревать — шкаф?

На вешалке висела куртка. В кармане обнаружились прошлогодний чек и детская резинка с пластмассовой клубникой. Полина ещё в школе забывала резинки повсюду. Я покрутила клубнику в пальцах, положила на полку и взяла сумку.

Андрей ждал у газетного киоска возле старого моста. Киоск уже не торговал газетами — только кофе, сигаретами и батарейками, — но у нас все продолжали называть его газетным.

У Андрея в руке был бумажный стакан.

— Я вам не взял, — сказал он вместо приветствия. — Не знал, что вы любите.

— Кофе.

— Уже ближе. Но вариантов ещё много.

— С молоком. Без сахара.

— Запомнил.

Он кивнул на окошко киоска, и я вдруг поняла, что стою на улице со взрослым мужчиной, который пригласил меня провести с ним утро. Пока без цветов, без обещаний, даже без заранее купленного напитка. От этого всё было убедительнее, чем от моих собственных попыток считать прогулку продолжением занятия.

Я купила кофе. Мы пошли вниз, к реке.

На другой стороне моста кто-то повесил на ограду замок с именами. Рядом было ещё десятка два — ржавые, розовые, огромный дверной и один крошечный, словно от дневника.

— Что вы думаете об этом обычае? — спросил Андрей.

— Зимой, наверное, весело прикасаться к ограде.

— Практичный ответ.

— А вы?

— Иногда надеюсь, что ключи всё-таки не в реке. Жалко рыбу.

Я засмеялась, а он вдруг добавил:

— Но людям нравится. Значит, зачем-то нужно.

У воды было прохладнее, чем в городе. Я сунула свободную руку в карман. Андрей шёл не торопясь, но я всё равно заметила, что мне приходится удлинять шаг.

— Я быстро? — спросил он.

— Немного.

Он сбавил темп. Без «надо больше ходить» и прочих полезных замечаний, которыми мы с Павлом иногда успевали обменяться ещё до первого поворота.

Павел любил идти впереди. Не из вредности — просто у него всегда была цель. Магазин, вокзал, нужный подъезд. Я догоняла и возмущалась, он на минуту притормаживал, потом снова уходил вперёд. Двадцать четыре года мы гуляли примерно так.

Я не собиралась вспоминать об этом сейчас. Воспоминание само пришло и встало рядом, третьим.

— Холодно? — спросил Андрей.

— Нет. Думаю.

— Тогда не мешаю.

Он отпил кофе и посмотрел на мост. Я обрадовалась, что он не стал выяснять, о чём.

Ниже по течению тянулись старые склады. Один покрасили в белый цвет и открыли там магазин кухонь, остальные стояли с заколоченными окнами. Мне всегда было немного жаль такие здания. Они словно продолжали ждать грузчиков, которые вышли на обед много лет назад.

Андрей остановился возле деревянных ворот.

— Вот это ещё можно спасти.

— Ворота?

— Да. Снимите.

— Вам для работы?

— Нет, вам для удовольствия.

Он произнёс это совершенно буднично. Я подняла телефон, но ворота на экране были просто грязными воротами.

— Не получается.

— Потому что я вам их навязал. Давайте дальше.

— Вы не обязаны сразу отказываться от идеи.

— А вы не обязаны любить всё деревянное.

Мне это понравилось. Можно было разойтись во мнениях о воротах, и день от этого не портился.

Дальше мне приглянулось окно. На облупленном подоконнике снаружи стояла эмалированная кружка, в ней росла трава. Андрей терпеливо подождал, пока я найду ракурс.

— Человек специально посадил или забыл кружку? — спросила я.

— Вы какую версию хотите?

— Чтобы посадил.

— Тогда посадил.

Мы сделали ещё несколько снимков и убрали телефоны. Утренний свет оказался хорошим, как он и обещал, но разговор постепенно стал интереснее света.

Я узнала, что в мастерской они работали втроём, что больше всего Андрей не любил, когда просили сделать старую вещь «как новую, только чтобы было видно старину», и что однажды два месяца восстанавливал комод, а потом заказчица поставила на него аквариум.

— Комод выдержал?

— Пока да. Я время от времени спрашиваю.

— Про рыбок?

— Про комод. Рыбкам, думаю, всё равно.

Я рассказала, как мы в конце квартала искали пропавшую накладную и нашли её на кухне под банкой с растворимым кофе.

— Зачем она там была?

— Подписать должен был человек, который всё время пил кофе. Олеся решила, что так надёжнее.

— Разумно.

— Очень. Потом он уехал на две недели.

Андрей смеялся, наклонив голову. У него возле левого глаза появлялась глубокая складка, почти отдельная от остальных морщин. Я заметила, что жду её каждый раз, когда говорю что-нибудь смешное.

Возле причала мы сели на скамейку. На реке никого не было, только маленький служебный катер, от которого долго расходились волны.

— У вас дети есть? — спросила я.

— Дочь. Ася. Девятнадцать.

— Учится?

Он кивнул, назвал специальность — архитектура.

— В другом городе. Когда присылает свои проекты, я сначала хвалю, потом пытаюсь понять, где у здания вход.

— А она что?

— Говорит: «Пап, это концепция». Видимо, в концепцию входят через окно.

— Вы часто видитесь?

— Хотелось бы чаще. Но у неё учёба, друзья. Приезжает на каникулы, иногда на выходные. Я тоже езжу, когда получается.

Он провёл пальцем по картонному краю стакана.

— Мы с её мамой шесть лет назад развелись. Первое время я старался не задавать лишних вопросов. Боялся, что будет выглядеть, будто через дочь проверяю бывшую жену. Потом Ася сказала: «Ты мог бы иногда спрашивать, как я живу, а не только нужны ли деньги».

Я посмотрела на него.

— И вы стали?

— Учусь. Получается через раз. Недавно полчаса обсуждали какой-то макет. Потом она спросила, помню ли я, как зовут её соседку. Я не помнил.

Он рассказывал без попытки представить себя образцовым отцом. Мне стало легче спрашивать.

— А сейчас с бывшей женой нормально общаетесь?

— Сейчас да. Мы просто не сошлись. Без хорошего и плохого человека по разные стороны стола.

Слово «просто» прозвучало слишком коротко для развода. Наверное, и он это почувствовал.

— Хотя тогда, конечно, простого было мало.

Я отпила остывший кофе. Над водой прокричала птица.

Можно было сказать: «А у меня двое». Рассказать о коляске, Кирилловой комнате, будущем внуке. Увести разговор туда, где у меня всё было подробно и понятно.

— Я вдова, — сказала я.

Андрей повернулся ко мне.

— Три года назад муж умер.

Мне всё ещё бывало трудно произнести это в разговоре с человеком, который прежде не знал. До этих слов мы с ним могли говорить о погоде, воротах, глупых рабочих историях. После люди обычно менялись лицом и начинали обращаться со мной осторожнее.

Андрей тоже перестал улыбаться.

— Мне очень жаль, Наталья.

Я кивнула.

Он не спросил, что случилось. Не начал искать подходящую историю о знакомом, который пережил то же самое. Не сказал, что время лечит, хотя времени было уже три года, и оно явно лечило как умело.

Мы немного посидели молча.

Потом я сама сказала:

— Павел. Его звали Павел.

— Вы давно были вместе?

— Двадцать четыре года.

— Долго.

— Да.

Я посмотрела на свой стакан. На крышке остался бледный след помады.

— У нас двое детей. Полине двадцать пять. Она замужем, ждёт ребёнка. Кириллу двадцать два.

— Скоро бабушка?

— Ужасно звучит?

— Почему?

— Не знаю. Наверное, мне пока трудно совместить это с собой.

Он оглядел меня с такой спокойной внимательностью, что мне захотелось расправить плечи.

— У вас получится.

— Быть бабушкой?

— Совместить.

Я рассмеялась, хотя в горле ещё стоял тот знакомый комок.

Возле причала появились две девушки с большой собакой. Собака подошла к нам, тщательно обнюхала мои ботинки и решила, что Андрей интереснее.

— Не бойтесь, — крикнула одна из девушек. — Она добрая!

— Я тоже, — ответил Андрей. — Но кофе не дам.

Собака положила голову ему на колено.

Я смеялась уже по-настоящему. Девушки увели её, извиняясь. На джинсах у Андрея осталось мокрое пятно.

— Видите, — сказал он, глядя на колено, — надо было сразу дать.

Когда мы встали, я посмотрела на часы. Прошло почти два часа.

Никто не звал меня домой. Полина с Сергеем сегодня собирали шкафчик, Кирилл обещал отсыпаться после рабочей недели. Вера ещё вчера написала, что уезжает к сестре на дачу, и попросила не присылать ей фотографии закатов, потому что она будет красить забор.

Свободное утро продолжалось, а я никак не могла привыкнуть к тому, что его можно не заканчивать первой.

Мы дошли до небольшой пекарни. На двери висела табличка «Горячая выпечка», и оттуда действительно пахло так, что спорить с табличкой не хотелось.

— Голодная? — спросил Андрей.

Я подняла брови.

Он заметил.

— Увлёкся. Можно на ты?

— Можно.

— Тогда, может, по пирожку?

Слово «ты» немного задержалось между нами, как человек, которого только что представили. Я примерила его мысленно и сказала:

— Ты что будешь?

— С капустой.

— С утра?

— Я завтракал.

— Тем более.

— Наташа, у пирожка с капустой нет установленного времени приёма.

Наташа. Не Наталья Сергеевна, как на работе, не «мам», не быстрое «Нат» от Веры. Я давно не слышала, чтобы меня так называл почти незнакомый мужчина.

Мы купили два пирожка и съели за высоким столиком у окна. Его — с капустой, мой — с яблоком. Андрей откусил слишком большой кусок и обжёгся. Я протянула салфетку и не стала говорить «осторожно, горячее». Он уже понял.

В пекарне было тесно. Когда я доставала кошелёк, локтем задела его руку и не сразу отодвинулась. В этом случайном соприкосновении не было ничего, что стоило бы потом вспоминать. Но я знала, что вспомню.

На улице он проводил меня до перекрёстка.

— Мне в эту сторону, — сказала я.

— Знаю. Ты говорила, возле парка живёшь.

Я действительно говорила. Почти мимоходом, когда рассказывала, как ходила в детский сад за Кириллом. Он запомнил.

— Спасибо за прогулку.

— Тебе спасибо.

Мимо проехал автобус и обдал нас тёплым воздухом. Я поправила волосы. Ветер тут же вернул их на лицо.

Андрей смотрел на меня, будто собирался что-то спросить, но проверял, не пора ли мне убегать.

Я не убежала.

— В четверг после работы свободна? — спросил он.

Я могла бы сказать, что не знаю. Заглянуть в календарь, хотя там ничего не было. Оставить себе возможность отступить, если испугаюсь.

— Свободна.

— Давай кофе выпьем. Уже без задания.

— Мы сегодня вроде тоже не очень по заданию.

— Зато у нас было прикрытие. И телефоны.

Я засмеялась.

— В четверг, значит.

— Я напишу, где встретимся.

Мы попрощались. Я пошла к дому и на первом же повороте оглянулась. Он ещё стоял у перехода. Увидев меня, поднял руку.

Я подняла свою, потом повернула и чуть не наступила на собаку, привязанную возле аптеки. Собака посмотрела с осуждением. Имела право.

Дома всё было на месте. Невымытая кухонная столешница, чистое бельё в корзине, резинка с клубникой на полке.

Я сняла куртку и остановилась посреди коридора.

Сейчас следовало сварить суп. Или хотя бы поставить чайник. Я вместо этого подошла к зеркалу.

Женщина в светлом свитере выглядела ровно на свой возраст. На переносице проступила красная полоска от очков, волосы растрепались, под глазами были тени, потому что проснулась она в семь безо всякой причины.

Я смотрела на неё и улыбалась.

Телефон коротко звякнул.

«Пирожок с капустой был правильным решением. До четверга».

Я написала: «С яблоком тоже».

Потом удалила точку в конце. Снова поставила. Удалила.

— Господи, Наташа, — сказала я вслух и отправила без точки.

Глава 6. Кофе без поручений

— Платье, — сказала Вера.

— Мы идём пить кофе.

— А в платье запрещают?

Я держала телефон плечом и перебирала вешалки. До четверга оставался целый вечер, но мне казалось, что если я не решу сейчас, завтра Андрей заметит мою растерянность уже на другом конце улицы.

— В том синем я была на юбилее у твоей сестры.

— Он у моей сестры не был.

— Я не про это.

— Наташ, ты собираешься быть женщиной, которая пьёт кофе, или женщиной, которая доказывает, что она совершенно случайно оказалась возле мужчины?

Я сняла с вешалки синее платье.

— Ты можешь нормально помочь?

— Могу. Надевай синее. Сверху ту куртку, которую купила весной. В ней шея красивая.

— Что за выражение — «в ней шея»?

— Я сегодня с половины девятого разговариваю с людьми. Всё, что осталось, твоё.

На том конце зазвенела посуда. Вера работала дома над какими-то таблицами и одновременно разогревала ужин.

— Ты поела? — спросила я.

— Вот и до меня добралась.

— Просто спросила.

— Сейчас поем. И спать. Так что подробный совет, как держать чашку, завтра по запросу.

— Спасибо тебе.

— За платье?

— Вообще.

Она немного помолчала.

— Наташ, только не проводи всё свидание с мыслью, что потом надо мне пересказать. Побудь там.

Я обещала. Потом ещё минут пятнадцать разглядывала платье, как будто оно могло выдать окончательное заключение о допустимости происходящего.

В четверг Лариса заметила его сразу.

— Ого.

— Что?

— Ничего. Хорошо выглядишь.

Обычно после «ого» у людей находилось ещё с десяток вопросов. Лариса только придвинула мне папку со счетами.

— Вот здесь фамилию сверить надо. В прошлый раз опять одну букву потеряли.

Я была ей за это благодарна. Целый день можно было заниматься цифрами, которые вели себя прилично: складывались, вычитались, не спрашивали, зачем я дважды сходила в туалет поправить волосы.

Андрей написал в четыре. Назвал кофейню возле небольшого кинотеатра и предложил встретиться в половине седьмого.

В шесть пятнадцать позвонила Полина.

Я посмотрела на экран и вдруг почувствовала, что делаю что-то тайное. Хотя ещё никто ни о чём не спросил.

— Мам, привет. У тебя карточка магазина не в телефоне? Там, где мы посуду покупали.

— Есть, сейчас пришлю.

— Мы хотим кастрюлю взять. Серёжа на нашей ручку сломал.

— Как?

— Говорит, сама. Я не верю.

Мы немного посмеялись. Я отправила ей снимок карточки и уже собиралась попрощаться, когда она спросила:

— Ты домой едешь?

— Пока нет.

— Опять фотографии?

— Нет, просто встреча.

— С Верой?

На светофоре загорелся зелёный. Вокруг меня двинулись люди.

— Полин, я сейчас перехожу. Потом поговорим.

— А, ну давай.

Я убрала телефон. Не солгала. Только почему-то стало неприятно, будто всё же солгала и теперь ожидала, когда заметят.

Кофейня оказалась не нарядной. Небольшие столы, на подоконниках книги, в углу высокий фикус с пыльным нижним листом. За стеклом витрины лежали пирожные, которые хотелось назвать не едой, а расходами.

Андрей уже сидел у окна. Увидев меня, встал, задел коленом стол и придержал сахарницу.

— Хорошо, что ничего ещё не заказал, — сказал он. — Было бы эффектное начало.

Я засмеялась и сняла куртку.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем в субботу.

— Тебе очень идёт.

— Что?

Вопрос выскочил сам. Как будто в тот день на мне могла быть только одна вещь, которую требовалось назвать точно.

— Платье. И вообще.

— Спасибо.

Я села. Краем глаза заметила наше отражение в тёмной боковой стенке витрины и сразу отвела взгляд. Рядом с ним я выглядела не старше и не моложе. Просто рядом.

Нам принесли меню. Андрей водил пальцем по названиям напитков.

— Тут есть обычный кофе?

— Наверное, под другим именем.

— Вот. «Американо». Я знал, что найду знакомого.

Я заказала капучино. Потом решила, что хочу есть, и попросила тост с сыром.

— Серьёзно? — спросил он.

— А ты в субботу с утра пирожок с капустой ел.

— Справедливо.

Он взял такой же тост, и я почему-то перестала стесняться собственного голода.

Первые минуты мы говорили о том, о чём удобно говорить людям, которые ещё мало знают друг друга. Как добрались, много ли работы, скоро ли включат отопление. Затем Андрей заметил книгу на подоконнике.

— Эту я в молодости трижды начинал.

— Дочитал?

— Нет.

— А я дочитала.

— Понравилось?

— Не очень.

Он посмотрел с таким уважением, что я засмеялась.

— Зачем же?

— Мне было двадцать. Я считала, что хорошие книги надо обязательно понимать. Если не нравится, значит, я ещё недостаточно умная.

— Я проще устроен. Мне хотелось, чтобы хоть кто-нибудь наконец вышел из комнаты.

Мы поспорили о другой книге, которую он любил, а я бросила на середине. Он сказал, что у автора прекрасное чувство времени. Я ответила, что особенно остро чувствуешь время на пятидесятой странице разговора про охоту.

Спор получился приятным. Мне не надо было соглашаться, чтобы вечер продолжался.

Потом выяснилось, что Андрей хорошо готовил мясо и плохо — всё, что требовало «чуть-чуть». Щепотка, немного, до нужной консистенции — эти указания он считал издевательством.

— А мебель как восстанавливаешь?

— Там хотя бы видно, куда винт крутить.

— Я думала, у вас творчество.

— В основном пыль.

Он рассказал о коллеге, который принёс в мастерскую хлебопечку, и теперь в отдельные дни пахло так, что заказчики начинали задавать совсем не те вопросы.

Я рассказала про Павловы попытки испечь блины.

Сказала «Паша» легко и только потом заметила. До этого мне казалось, что любое упоминание мужа за таким столиком будет похоже на человека, который пришёл без приглашения.

— У него первый всегда получался хороший, — говорила я. — Все остальные комом. Не знаю, как так. Он даже злился: по всем правилам должно быть наоборот.

Андрей улыбнулся.

— Сковороду перегревал, скорее всего.

— Я тоже так думала.

И всё. Ни один из нас не замер. Не пришлось объяснять, почему я вспомнила мужа. Официантка принесла наши тосты, Андрей подвинул мне салфетки, и разговор пошёл дальше.

Капучино был горячий. Я разломила тост, стараясь не уронить на платье сыр.

— Ты всегда здесь жил? — спросила я.

— Почти. В начале двухтысячных уезжали с женой на север, года на три. Думали, денег заработаем, квартиру быстрее купим.

— Заработали?

— На первый взнос. И на хорошие тёплые вещи, которые потом ещё лет пять носили.

Он говорил о бывшей жене без ожесточения. Мне даже стало чуть тревожно от этого спокойствия.

— Ты после развода… — начала я и остановилась.

— Да?

— Извини. Не моё дело.

— Зависит, что ты хотела спросить.

Я пригладила салфетку.

— Не знаю. Были у тебя отношения?

Он не ответил сразу.

— Были. Несколько лет назад. Почти год.

Я кивнула так, будто мне сообщили расписание автобусов.

— Не получилось?

— Не получилось. Я думал, если человеку не мешать и не предъявлять претензий, всё будет хорошо. Оказалось, можно так старательно не мешать, что тебя рядом вообще нет.

Это было сказано без красивой грусти. Он смотрел в чашку и большим пальцем тёр след на ручке.

— А ты? — спросил он.

— После Паши — нет.

— Совсем?

Я пожала плечами.

— Сначала не до этого. Потом вроде тоже. Работа, дети. Дома спокойно. Никто носки не разбрасывает.

— Это серьёзное преимущество.

— Очень.

— Я могу обещать только не разбрасывать их в кофейне.

Я рассмеялась. В напряжённом месте разговор нашёл маленькую дырочку, через которую можно было снова дышать.

Потом Андрей попросил счёт.

— Давай пополам, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Я пригласил.

— Я знаю.

— Тебе принципиально?

Я задумалась. Денег у меня на этот ужин было достаточно. Но слово «принципиально» звучало слишком крепко для моей попытки не чувствовать себя кому-то обязанной.

— Нет. Просто давно никуда не ходила.

— Тогда сегодня я. В следующий раз угостишь меня чем-нибудь.

Следующий раз. Он произнёс это будто уже существующую дату, пока без числа.

— Хорошо.

На улице стало темно. Фары размазывались по влажному асфальту, у кинотеатра собиралась очередь. Андрей достал ключи.

— Подвезти тебя?

До дома было далеко. Сесть к нему в машину казалось одновременно разумным и слишком быстрым продолжением. Я заметила свою заминку.

Он убрал ключи в ладонь.

— Или прогуляемся до остановки.

В этот момент мне захотелось сесть в машину уже не потому, что далеко.

— Подвези.

Машина была обычной, немолодой, чистой не до блеска. На заднем сиденье лежал свёрнутый плед и пакет из строительного магазина. Андрей убрал с пассажирского места рулетку.

— Рабочий беспорядок.

— У меня дома есть ящик, который я называю «нужное». Если открыть, можно считать, что состоялось землетрясение.

— Тогда я спокоен.

Я пристегнулась. В салоне негромко играла музыка. Андрей потянулся уменьшить громкость.

— Можно оставить.

— Ты такое слушаешь?

— Не знаю ещё. Дай понять.

Он улыбнулся и убрал руку. Песня оказалась про дорогу и человека, который всё время опаздывал к собственной жизни. Мне не хотелось искать в этом знак. Просто голос был хороший.

На перекрёстке Андрей пропустил нужный поворот.

— Я привык в другую сторону, — сказал он.

Мы объехали квартал. Я смотрела, как он держит руль, как быстро хмурится, когда впереди кто-то перестраивается без поворотника, и тут же перестаёт. Мне нравилось обнаруживать у него обычные движения. Они были лучше тех, которые я успела бы придумать сама.

— У этого магазина останови, — сказала я, когда показался наш двор.

— До подъезда не надо?

Я могла бы сослаться на узкий проезд. Он действительно был узкий.

— Я немного пройдусь.

Андрей кивнул. Не спросил, почему.

У дома я никак не могла найти замок на сумке. Он ждал, не выходя из машины. Я понимала, что сейчас надо сказать спасибо и уйти. Ещё понимала, что не хочу.

— В субботу у кинотеатра будет уличная ярмарка, — произнесла я.

Он повернулся.

— Видела афишу, когда мы выходили.

— Да?

— Можно сходить. Если тебе интересно.

Он улыбнулся той самой складкой у глаза.

— Мне интересно.

— Только я до трёх работаю. У нас иногда в выходные…

— После трёх тоже бывает день.

— Тогда напиши.

Я наконец взялась за ручку двери.

— Наташа.

— Что?

— Хороший получился вечер.

Я посмотрела на него. Совсем близко, через расстояние между сиденьями.

— Да.

Мне показалось, что он сейчас наклонится. Или я сама. Но мы только ещё немного посмотрели друг на друга, и я вышла.

В квартире было темно. Я не стала сразу включать большой свет, только лампу возле дивана. Платье не хотелось снимать.

Телефон завибрировал, пока я наливала воду в чайник.

Полина.

— Ну что, купили кастрюлю? — спросила я.

— Купили. Зелёную. Мам, ты всё-таки где была?

Я поставила чайник на подставку. В голове мгновенно появилась длинная речь: я взрослый человек, имею право, мне не надо отчитываться. Я не произнесла ничего из неё.

— Кофе пила.

— С кем?

— Со знакомым.

Полина помолчала.

— Тем, из фотоклуба?

— Да.

— А-а.

Одного этого «а-а» хватило, чтобы я села на табурет.

— Что?

— Ничего. Просто спрашиваю.

— Мы нормально посидели.

— Я же не сказала, что ненормально.

— Знаю.

У нас обеих стали какие-то чужие, осторожные голоса.

— Ладно, — сказала Полина. — Слушай, а бабушкино одеяло можно в машинке стирать?

Мы вернулись к детским вещам, которые забрали у Людмилы Петровны в минувшее воскресенье, и к тому, как их подготовить. Разговор снова стал знакомым, и мне полегчало.

После звонка я нашла у себя на плече крошку от тоста.

Сняла её пальцами и засмеялась. Весь этот серьёзный взрослый вечер, кофе, вопросы о прошлом, попытка попрощаться красиво — и крошка, которую я носила на синем платье не меньше часа.

Андрей прислал сообщение.

«Доехал. Ярмарка — да. И кофе с тебя».

Я написала: «С пирожком».

«Договорились».

Платье я повесила на спинку стула, чтобы утром убрать в шкаф. Рядом положила шарф, который обычно прятала до больших холодов. Он был мягкий, светлый и шёл к лицу.

В субботу он мог пригодиться.

Глава 7. Мамина версия

В пятницу Полина приехала с контейнером сырников.

— Они у меня немного расползлись, — предупредила она в прихожей.

— Ничего. На вкус это не влияет.

— Я знала, что ты так скажешь.

Она протянула мне пакет и нагнулась расстегнуть ботинки. Я уже сделала движение помочь, но остановилась: Полина справлялась сама, сердито выдувая упавшую на лицо прядь.

— Серёжа где?

— На работе задержался. Я к тебе ненадолго, потом он заберёт.

Полина прошла в кухню, открыла шкаф с чашками. В последнее время она всё чаще приходила без предварительного звонка. Мне это нравилось. Когда дети жили отдельно, маленькие привычные звуки — чайник, скрип дверцы, голос из ванной — были подарком.

Я включила духовку, чтобы разогреть сырники.

— Кирилл тоже зайдёт, — сказала я. — Звонил, что в наших краях.

— Конечно. Ты же его накормишь.

— И тебя накормлю.

— Я уже поела.

Через десять минут она сидела перед тарелкой и доедала второй сырник.

— Они не расползлись, — сказала я. — Они такие задуманы.

— Лепёшки?

— Авторская подача.

Полина засмеялась. Потом увидела платье на спинке стула.

Я так и не убрала его утром. Торопилась, оставила дома, решив, что вечером повешу как следует. Сейчас оно было слишком заметным среди кухонных полотенец и моего старого домашнего кардигана.

— Красивое, — сказала дочь.

— Старое.

— Я помню. Ты в нём вчера ходила?

— Да.

Полина посмотрела на меня с любопытством. Не враждебно, не насмешливо. Я могла просто сказать: «Андрея зовут. Мы виделись несколько раз». Она могла спросить, сколько ему лет, где он работает, понравился ли мне.

Я вместо этого взяла платье и пошла с ним в комнату.

— В офисе жарко было, — сказала я из дверей.

Фраза не имела отношения к вопросу. Мы обе это понимали.

Когда я вернулась, Полина разглядывала снимки в моём телефоне. Я сама оставила его рядом с ней: показывала фотографию бабушкиного детского одеяла, которое мы забрали в прошлое воскресенье.

— А это что?

На экране была мостовая ограда.

— На прогулке снимала.

— В субботу?

— Да.

Она провела пальцем. Появилась кружка с травой.

— Красиво.

— Тебе правда нравится?

— Угу. На заставку можно. А ты с кем ходила?

Мне вдруг стало жарко. Я открыла окно.

— С человеком из фотоклуба.

— С тем знакомым?

— С тем.

Полина не успела ничего сказать: в дверь позвонил Кирилл. Он вошёл с большим пакетом макарон и банкой соуса.

— У меня продуктовый взнос.

— У тебя что, всё это надо сейчас сварить? — спросила я.

— Нет, это тебе. Акция была. Второй пакет бесплатно.

— Где второй?

— Дома. Я же не совсем неразумный.

Он поцеловал меня в висок, скинул куртку на крючок и заглянул в духовку.

— О, еда. Значит, я вовремя.

Полина подвинула ему тарелку.

— Это мои. Не обзывай.

— Я ещё рот не открыл.

— Знаю тебя.

Они заговорили про соус. Оказалось, Полина такой покупала и ей было кисло, а Кирилл считал, что всё можно исправить перцем. Я достала ещё одну чашку и слушала их с удовольствием. Никакого неприятного разговора не произошло. Можно было успокоиться.

Я даже успокоилась — минут на пятнадцать.

Потом Кирилл спросил:

— Мам, а тебе деньги прямо сейчас нужны?

Я положила ложку на блюдце.

— Какие?

Он посмотрел на меня выразительно.

— Мои восемнадцать. Ну, которые пока твои.

— Мы договаривались, что с ближайших двух зарплат.

— Да. Я просто предупреждаю: с этой, наверное, не получится. Там меньше, чем я рассчитывал.

— Почему?

— Ну, у нас начисление так идёт. И за комнату я заплатил, и проездной, и ещё надо кроссовки, мои совсем всё.

Полина опустила глаза на его ноги. Кирилл успел переобуться в мои старые тапки.

— Кроссовки, значит, — сказала она.

— А тебе обувь не нужна?

— Нужна. Я же маме не обещаю её стоимость вернуть.

— Полин, я с мамой разговариваю.

Они замолчали оба. Я почувствовала, что должна немедленно вернуть вечеру прежнее настроение.

— Кирилл, я не требую прямо сейчас, — сказала я. — Просто надо понимать, когда.

Он обрадовался первой половине фразы и почти не услышал вторую.

— Конечно. Я верну. Ты же знаешь.

— Знаю.

— Ну вот.

Он потянулся за чайником. Я смотрела, как льётся вода, и соображала, что срок только что исчез. Мы не перенесли его на другое число — просто больше его не было.

Мне стало неловко спросить снова. При Полине, за сырниками, когда он сам пришёл и даже принёс макароны.

— В следующем месяце обсудим, — сказала я.

— Обсудим, — легко согласился сын.

Он уже рассказывал, как у него на работе водитель перепутал склад. Полина смеялась, я тоже. Меня всё равно слегка царапало под рёбрами.

Когда дети допили чай, Кирилл спросил про платье. Он заметил в комнате, пока искал зарядку.

— У тебя праздник был?

— Нет.

Полина подняла на него глаза.

— Мама ходила кофе пить.

— С кем?

Я посмотрела на дочь. В её лице не было злого намерения. Ей хотелось сказать что-то интересное про нашу общую маму.

— Со знакомым из фотоклуба, — ответила я.

Кирилл застыл с телефоном в руке.

— Ого.

— Что «ого»?

— Ничего. Нормально.

Он улыбнулся той особенной улыбкой, которой в детстве сопровождал вопросы вроде «а вы с папой целовались до свадьбы?».

— Роман, что ли?

— Кирилл.

— Ладно, ладно. Художественная самодеятельность.

Полина прыснула.

Я тоже улыбнулась. Было легче улыбнуться, чем выдержать паузу и объяснить, что я не знаю пока никакого точного слова. И что даже если знала бы, мне не хотелось бы произносить его под дружный смех.

— У нас просто занятия, — сказала я.

Полина перестала улыбаться.

— Ты же сказала, кофе.

— После занятия. В смысле… Мы познакомились там.

Кирилл пожал плечами.

— Ясно. Главное, чтоб на курсы по богатству не затащил. А то сейчас все знакомятся, потом предлагают инвестиции.

— Он мебель реставрирует, — сказала я резче, чем собиралась.

— Мам, я же шучу.

— Очень смешно.

На секунду стало тихо. Потом Полина спросила брата, как его комната. Я убрала чашки в раковину и пустила воду.

Со мной шутили. Дети делали то, что мы всегда делали друг с другом: цепляли словом, смеялись, не придавая особенного значения. Если бы я рассказала о неудачном покупателе на рынке, они повели бы себя так же.

Но я сама подала им именно такую историю. Что-то несерьёзное, смешное, случайно случившееся с мамой.

Сергей приехал за Полиной около девяти. Зашёл на минуту, получил с собой остатки сырников и понёс её сумку. Кирилл ушёл вместе с ними.

В прихожей он обнял меня за плечи.

— Мам, ты не обиделась?

— На что?

— Да на шуточки. Я ж любя.

Я похлопала его по спине.

— Знаю.

— И деньги верну.

— Хорошо.

Он ушёл, а я ещё постояла у двери. На коврике осталась маленькая белая полоска от его подошвы. Я стёрла её носком тапка.

Андрей написал позднее.

«Завтра к четырём? Могу забрать от дома».

Я набрала адрес. Уже отправила и только потом представила, как сажусь к нему в машину возле подъезда. Соседка с третьего этажа наверняка будет выгуливать своего маленького злого пса. Людмила Петровна могла позвонить детям, дети — мне. В моей голове всё произошло за несколько секунд, хотя ни у кого из этих людей не было причин караулить меня под окном.

Я написала второе сообщение.

«Лучше у магазина на углу. Мне по пути надо зайти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.